

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 2 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 339 с.

ISBN 978-5-519-94872-2

ISBN 978-5-519-94872-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

хорошо знакомаго красиво подобранной тройкѣ, лучшей изъ всѣхъ почтовыхъ лошадей на цѣломъ трактѣ. Тройку далъ на предыдущей станціи, вмѣстѣ съ наиболѣе опытнымъ, бывалымъ ямщикомъ, предусмотрительный станціонный смотритель Гвоздевъ, не забываемый щедротами богача Кушнарева, который ежегодно по нѣскольکو разъ совершалъ свои поѣздки по коммерческимъ дѣламъ изъ Кяхты въ Иркутскъ и обратно. Кушнаревъ былъ извѣстенъ всѣмъ зрителямъ, старостамъ и ямщикамъ не только кяхтинскаго тракта, но даже до Томска въ одну сторону и до Благовѣщенска въ другую, гдѣ ему также частенько приходилось бывать по разнымъ торговымъ дѣламъ. За щедрымъ купцомъ, дававшимъ ямщикамъ на чай не менѣе рублевки, а старостамъ и того больше, ухаживали, какъ за коронованной особой. Ему никогда не было отказа въ лошадяхъ. Даже въ кипучее время трактоваго движенія, когда многіе проѣзжіе, не исключая и съ подорожными „по казенной надобности“, проспживали на почтовыхъ станціяхъ по цѣлымъ суткамъ, Кушнаревъ всегда безостановочно несся къ желаемой цѣли, получая, при любезномъ содѣйствіи станціонныхъ смотрителей и старостъ, лучшія тройки съ наиболѣе лихими и опытными ямщиками. Всѣ дѣятели почтоваго тракта наперерывъ старались угодить молодому купцу, единственному представителю богатѣйшей торговой фирмы, во главѣ которой ему довелось стать всего пять лѣтъ тому назадъ, послѣ неожиданной, загадочной смерти горячо любимаго отца, ограбленнаго и убитаго неизвѣстными злодѣями между Иркутскомъ и Кяхтой въ одну изъ его обычныхъ зимнихъ поѣздокъ по коммерческимъ дѣламъ. Старикъ Кушнаревъ подвергся нападенію, какъ выяснило строгое энергичное разслѣдованіе, въ одномъ изъ пунктовъ вышеописаннаго сосноваго бора, но гдѣ именно — никакъ не удалось опредѣлить, такъ какъ грабители, убивъ коммерсанта и ямщика, безслѣдно запрятали ихъ тѣла въ лѣсной чащѣ, а кибитку безъ лошадей бросили въ двадцати верстахъ отъ тракта, на

глухой тайговой дорогѣ. О страшной участи старика Кушнарева и ямщика Ползунова узнали по окровавленнымъ слѣдамъ, оставленнымъ въ кибиткѣ. Слѣды эти были многочисленны и ужасны. Вся внутренняя обивка кибитки была положительно залита кровью. Кровавыя пятна разыскали на облучкѣ и полости. Передъ саней оказался въ тѣхъ же зловѣщихъ пятнахъ. На обѣихъ оглобляхъ и дугѣ виднѣлись отчетливые отпечатки окровавленныхъ рукъ. Повидимому, злодѣи произвели нападеніе въ то время, когда сѣдокъ и ямщикъ сладко дремали, и покончили съ ними раньше, чѣмъ тѣ успѣли проснуться. Затѣмъ, скрывъ свои жертвы, убійцы, опасаясь преслѣдованія, ударились въ глухую тайгу, гдѣ выпрягли лошадей и поскакали дальше верхомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили лица, производившія разслѣдованіе о совершенномъ злодѣянїи, но случилось ли именно все такъ, какъ эти лица предполагали, — зналъ одинъ всевѣдущій Богъ. Люди же путались во всевозможныхъ гипотезахъ, болѣе или менѣе основательныхъ, разумныхъ и близкихъ къ истинѣ...

Кто были убійцы — не удалось раскрыть, несмотря на щедрую награду, обѣщанную молодымъ Кушнаревымъ, вызваннымъ по телеграфу изъ Иркутска, гдѣ тотъ готовился для поступленія въ одинъ изъ университетовъ. Не удалось также разыскать тѣла убитыхъ, хотя на эти розыски сынъ, удрученный невыразимымъ горемъ, затратилъ немало денегъ и энергіи. Цѣлый мѣсяцъ молодой Кушнаревъ, охваченный жгучимъ желаніемъ похоронить съ честью несчастнаго отца, производилъ, во главѣ сотни нанятыхъ людей, самые тщательные поиски въ дремучемъ сосновомъ лѣсу; цѣлый мѣсяцъ онъ едва ѣлъ и пилъ, забылъ весь окружающій міръ, забросилъ торговля дѣла. Его поглотила страстная, неотразимая жажда во что бы то ни стало отыскать тѣло отца, но удовлетворить эту жажду ему не удалось. Измученный физически, потрясенный душевно, съ сильно разстроенными нервами вернулся Семенъ Петровичъ домой и

серьезно расхворался. Только спустя три мѣсяца онъ могъ заняться слегка разстроенными коммерческими дѣлами своей фирмы, причемъ выяснилось, что старикъ Кушнаревъ, возвращаясь въ послѣдній разъ изъ Иркутска въ Кяхту, имѣлъ при себѣ около ста тысячъ денегъ, на которыя, повидимому, и позарились неизвѣстные злодѣи.

II.

Прошло пять лѣтъ. Жгучее чувство тяжелой невознаградимой утраты смягчилось и оставило едва замѣтный слѣдъ въ сердцѣ молодого Кушнарева, но зато голова его была постоянно занята неотвязчивою мыслью разыскать хотя прахъ обожаемаго отца, лишеннаго по волѣ изверговъ даже христіанскаго погребенія. Возбужденное воображеніе часто рисовало ему всевозможныя картины насильственной смерти отца, одна другой страшнѣе и ужаснѣе. Проѣзжая злополучнымъ сосновымъ боромъ нѣсколько разъ въ году—весной, лѣтомъ, осенью и зимой, онъ всегда пытливо всматривался въ каждую пядь лѣсной чащи, словно требуя отъ нея отвѣта на свой нѣмой, мучительно-острый вопросъ; но дремучій лѣсъ ревниво хранилъ роковую тайну и своимъ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ лишь отягощалъ болѣзненно настроенное воображеніе Семена Петровича. Тѣмъ не менѣе послѣдній никогда, даже въ глубокую ночь, не проѣзжалъ бора безъ того же пытливаго осмотра. Онъ постоянно приказывалъ ямщикамъ будить себя при вѣздѣ въ лѣсъ, и это приказаніе всегда исполнялось точно и безпрекословно. Вотъ почему и Кривой Воронъ, прозванный такъ вслѣдствіе потери одного глаза въ какой-то молодецкой дракѣ, не преминулъ окликнуть задремавшаго Кушнарева, какъ только кибитка нырнула съ открытаго мѣста въ боръ:

— Батюшка Семень Петровичъ, вѣхали!

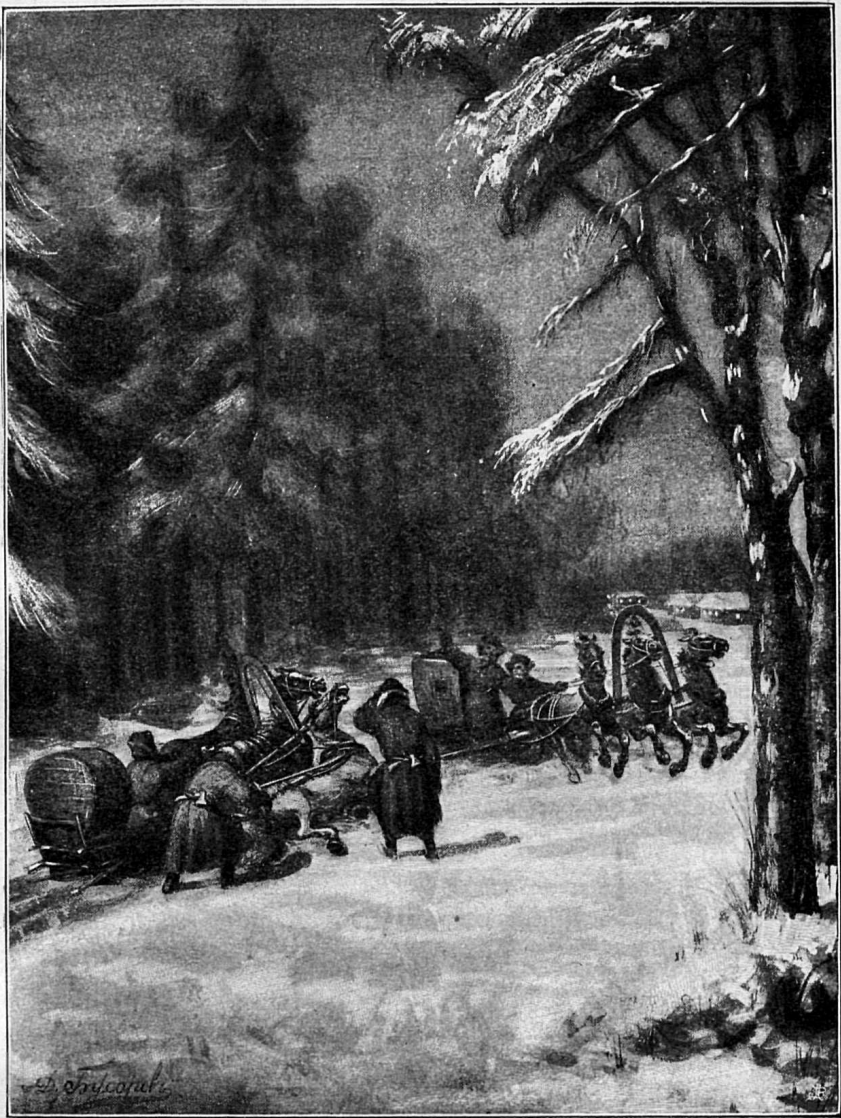
Молодой человѣкъ встрепенулся и высвободилъ изъ

воротника свое худое, нервное лицо, обрамленное небольшою русою бородкою. Ямщикъ лихо свистнулъ и хлестко ударилъ по лошадамъ вожжами. Тройка дружно рванула и понеслась еще быстрѣе, вздымая бойкими ногами облака льдистой пыли. Морозный воздухъ рѣзалъ открытую часть лица точно острымъ ножомъ. Кривой Воронъ совершенно спрятался въ широкую оленью даху и лишь изрѣдка взглядывалъ на дорогу своимъ единственнымъ глазомъ сквозь узкую щель высоко приподнятаго воротника. Онъ вполне довѣрялъ лошадямъ, хорошо освоившимся съ почтовымъ трактомъ, и предоставилъ имъ свободно мчаться среди безлюднаго, фантастически освѣщеннаго луной, лѣса. Величественныя деревья, опушенные сверкающимъ снѣгомъ, мелькали мимо кибитки подобно сказочнымъ великанамъ, поставленнымъ на стражѣ у рубежа таинственнаго, безмолвнаго бора. Кушнаревъ съ трудомъ слѣдилъ, сквозь слипшіяся отъ мороза рѣсницы, за волшебной панорамой, тянувшейся съ обѣихъ сторонъ довольно широкой дороги. Неотразимое грустное чувство охватило все его существо при видѣ мѣстности, памятной ему благодаря загадочной, ужасной смерти обожаемаго имъ отца. Печальныя воспоминанія нахлынули жгучею волною. Семену Петровичу живо припомнились мельчайшія подробности его мѣсячнаго пребыванія въ дремучемъ, безконечномъ лѣсу, а также тщетныхъ поисковъ тѣлъ несчастныхъ жертвъ, погибшихъ подъ ножами неизвѣстныхъ злодѣевъ. Вспомнилось ему, какъ неустанно и долго искалъ онъ съ нанятыми людьми мѣсто гибели отца, съ какой болѣзненной энергіей рыскалъ онъ по всѣмъ доступнымъ трущобамъ таинственнаго бора, всецѣло поглощенный однимъ страстнымъ, мучительнымъ желаніемъ. Въ тѣ страшные, тревожные дни онъ былъ готовъ пожертвовать не только всѣмъ своимъ капиталомъ, но даже жизнью за отысканный трупъ отца. Съ каждымъ днемъ онъ удваивалъ обѣщанную награду, и вскорѣ цифра этой награды достигла баснословной суммы—въ сто ты-

сячь рублей. Кромѣ специально нанятыхъ людей приняли дѣятельное участіе въ поискахъ сотни окрестныхъ жителей, мечтавшихъ заслужить щедрую награду. Обѣ опушки лѣса, расположенныя вдоль почтоваго тракта, были обшарены съ величайшею тщательностью. Многіе смѣльчаки забирались на лыжахъ въ самую глубь дремучаго бора, рискуя каждую минуту поднять изъ берлогъ свирѣпыхъ чернобурыхъ медвѣдей или встрѣтиться съ бѣглыми каторжниками, особенно многочисленными въ ту памятную теплую зиму. Добровольные поиски продолжались до весны. Съ наступленіемъ же весенняго таянія снѣговъ пришлось ихъ прекратить — вслѣдствіе превращенія лѣсной почвы въ обширнѣйшее опасное болото. Лѣтомъ поиски возобновились. Тѣло несчастнаго старика Кушнарева искали словно богатѣйшій кладъ, но все было напрасно. Злодѣи успѣли схоронить свои жертвы такъ ловко, съ такою адскою предусмотрительностью, что даже вытребованные изъ Иркутска наиболѣе опытные, бывалые сыщики стали въ тупикъ передъ неразрѣшимой загадкой. Эта таинственная загадка заняла всѣ свободные умы. Разыгравшееся воображеніе простого, темнаго люда нашло обильную пищу для всевозможныхъ предположеній, болѣе или менѣе фантастическихъ и сказочныхъ. Среди окрестныхъ переселенцевъ, ямщиковъ и даже инородцевъ начали циркулировать разныя небылицы, которыми старались объяснить удивительное и странное исчезновеніе ограбленныхъ жертвъ. „Для чего именно понадобилось скрыть тѣла убитыхъ? Почему злодѣи такъ тщательно замели слѣды своего страшнаго преступленія? Какихъ уликъ они боялись?“ Надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ тщетно трудились и тратили время многіе представители мѣстнаго интеллигентнаго общества. Самъ Кушнаревъ постоянно сосредоточивался на тѣхъ же вопросахъ, но не могъ подыскать болѣе или менѣе разумнаго, логическаго объясненія дѣйствій злодѣевъ, которымъ, казалось, не для чего было хоронить концы своего ужаснаго преступленія съ такою

дьявольскою осмотрительностью и съ такимъ чрезмѣрно разсудительнымъ хладнокровіемъ. Вѣдь все равно невозможно было изловить какихъ то неизвѣстныхъ бродягъ, успѣвшихъ, послѣ совершенія убійства, скрыться въ глухой тайгѣ, смежной съ китайскою границею. Повидимому, грабителями руководили какія то особенныя, исключительныя соображенія и обстоятельства, но какія именно — никому не удалось разрѣшить съ достаточною ясностью. Вообще, надъ всѣми деталями совершеннаго злодѣйства висѣла таинственная, непроницаемая завѣса, приподнять которую никто не могъ, несмотря на полное напряженіе ума и воображенія. Эта невозможность объяснить загадочное исчезновеніе убитаго Кушнарева какими-нибудь логическими соображеніями заставила разныхъ невѣжественныхъ людей измыслить фантастическія сказки всевозможнаго характера. Одни распускали слухъ, что старикъ Кушнаревъ просто построилъ фиктивное убійство, чтобы избѣгнуть позорнаго наказанія, которое грозило ему за многолѣтнюю фабрикацію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, случайно будто бы раскрытую какими то неподкупными чиновниками. Другіе утверждали втихомолку, что къ совершенному преступленію причастенъ, по разнымъ корыстнымъ расчетамъ, самъ молодой Кушнаревъ, который, скрывъ тѣла своихъ жертвъ въ глубокихъ подвалахъ собственнаго дома, лишь для отвода глазъ искалъ ихъ съ такою черезчуръ усердною настойчивостью въ едва проходимыхъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса. Нѣкоторые же переселенцы и ямщики порѣшили, что дѣло не обошлось безъ вмѣшательства нечистой силы.

— Самъ чортъ утащилъ старика въ преисподнюю, толковали они съ большою положительностью, а на вопросъ скептиковъ: „за что?“ — обстоятельно выворачивали всю подноготную убитаго коммерсанта. По ихъ мнѣнію, старикъ Кушнаревъ былъ не только страшно корыстолюбивый міроѣдъ, высосавшій кровь у множества народа, но даже безпощадный злодѣй, не останавливавшійся,

ради увеличенія своего капитала, предъ самымъ ужаснымъ преступленіемъ.

— Хорошо, соглашались скептики подъ впечатлѣніемъ услышаннаго, — старый кровопійца попалъ въ преисподнюю за свои грѣхи, но за что утащилъ туда же ямщика Ползунова? Вѣдь онъ, кажись, былъ парень славный и богобоязненный...

Этотъ неоднократно простой вопросъ приводилъ обыкновенно въ немалое смущеніе сторонниковъ вмѣшательства нечистой силы въ загадочное исчезновеніе двухъ жертвъ безпощадныхъ грабителей, такъ какъ, охотно отправляя въ адъ ненавистнаго имъ почему-то старика Кушнарева, они отнюдь не желали подобнаго непріятнаго путешествія для Ползунова, пріобрѣвшаго во всемъ окресткѣ лестную репутацію примѣрнаго семьянина и безусловно хорошаго человѣка.

Подобныя клеветническія выдумки и фантастическія бредни изрѣдка достигали до ушей молодого Кушнарева и только подливали нестерпимую горечь въ чашу его душевныхъ и нравственныхъ мукъ. Семень Петровичъ жестоко страдалъ какъ за себя, такъ и за любимаго отца, сокрытый прахъ котораго старались забросать грязью разные зловерные люди: одни — намѣренно, другіе — по невѣжеству. Онъ постоянно скорбѣлъ, что не можетъ приподнять таинственную завѣсу совершеннаго злодѣянія, и страстно жаждалъ хоть когда-нибудь открыть убійцъ отца и одновременно выяснить: гдѣ спрятанъ ими дорогой трупъ.

III.

Поглощенный грустными воспоминаніями, Кушнаревъ вдумчиво всматривался въ лѣсную опушку, эффектно освѣщенную луною. Тройка мчалась съ прежней быстротой, и кони выпускали изъ расширенныхъ ноздрей клубы горячаго пара. Дорога шла легкими извилинами, дѣлая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно крутые завороты, на

которыхъ приходилось сдерживать лошадей, чтобы кибитка не опрокинулась на раскатахъ. До слѣдующей почтовой станціи оставалось всего около десяти верстъ. Кривой Воронъ уже предвкушалъ теплую печь, кипящій самоваръ и стаканчикъ водки на придачу. Онъ мечталъ о сладостномъ отдыхѣ, лѣниво распустивъ вожжи и уткнувшись закованнымъ носомъ въ заиндѣвшій воротникъ дахи... Вдругъ онъ почувствовалъ сильный толчокъ и едва не слетѣлъ съ облучка подъ передокъ кибитки—вслѣдствіе неожиданной остановки тройки на крупной рыси. Могучій коренникъ всталъ почти на дыбы, точно желалъ вытащить голову изъ хомута, нажатого оглоблями до самыхъ ушей. Пристяжные фыркали и пугливо пятились, вытягивая морды по направленію къ какому-то темному предмету, недвижно лежавшему поперекъ дороги.

— Что такое случилось? спросилъ встрепенувшійся Кушнаревъ, инстинктивно нащупывая въ боковомъ карманѣ дахи револьверъ, безъ котораго никогда не выѣзжалъ послѣ трагической гибели отца.

— Убитый человѣкъ лежитъ, трепетнымъ шепотомъ вымолвилъ ямщикъ, подбирая возжи и сворачивая лошадей въ сторону.

Кушнаревъ стремительно приподнялся на ноги, точно подброшенный мгновенно развернувшейся подъ нимъ пружиной, и сталъ внимательно оглядывать снѣжную пелену дороги, залитой голубоватымъ, волшебнымъ свѣтомъ луны, поднявшейся высоко надъ лѣсомъ. Вскорѣ онъ разсмотрѣлъ отчетливую фигуру человѣка, лежавшаго на спинѣ всего въ пяти шагахъ отъ кибитки, безъ шапки и шубы, но въ большихъ мѣховыхъ сапогахъ. Съ сердечнымъ трепетомъ и невольною дрожью во всемъ тѣлѣ Семень Петровичъ мелькомъ увидѣлъ окровавленное лицо, обращенное къ лунѣ точно съ мольбою о божественномъ возмездіи, и страшно разсѣченную голову, неестественно свернутую къ одному плечу.

— Куда ты? обратился Кушнаревъ съ рѣзкимъ воп-